

ЛЮБВИ ВСЕ НЕЧИСТИ ПОКОРНЫ

КОЩЕЙ

ПОХИТИТЕЛЬ НЕВЕСТ

Наталья Николаевна Занозина

Кощей. Похититель невест

Серия «Книги по фильмам»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73733443

Кощей. Похититель невест / Занозина Наталья Николаевна: Эксмо;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-228452-6

Аннотация

Вечно молодой и всегда с иголочки одетый Кощей вот уже триста лет почему-то не может найти себе невесту. Он и запугивал, и похищал, и превращал в лягушек разнообразных царевен, но эти ухаживания так и не помогли принцу тьмы. Тем временем прекрасная богатырша Варвара только и делает, что отбивается на арене от женихов, позарившихся на ее приданое. Однако, завладев Кошеевой иглой, царь Горох придумывает, как добраться до Варвары. Вот только он не учел одного – смерть Кощей хоть и заключена в игле, но в его сердце еще может ожить любовь...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Занозина
Кощей. Похититель невест

ЛЮБВИ ВСЕ НЕЧИСТИ ПОКОРНЫ

Серия «Мультколлекция»

© Кинокомпания СТВ

© Занозина Н. Н., текст

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Невесты бывают разные

Петляя меж верхушек высоких деревьев и уворачиваясь от острых разрядов молний, в тёмном небе мчались две летучие мышки. Не обращая внимания на порывы ветра и стелю дождя, который словно специально хотел сбить их с пути, они спешили к своему хозяину – Кощею Бессмертному.

Вскоре показался его замок на скале. Точнее, сначала стали видны его светящиеся окна в форме глазниц. Потом в темноте проступили очертания фасада, выполненного в виде черепа. Мышки заложили крутой вираж, сделали круг почёта, облетев островерхие башенки замка, издали походили на иглы, и наконец, нырнув в неприметное слуховое окошко под козырьком, оказались в главном зале.

– В последний раз спрашиваю, Василиса: полюбишь меня?! – гремел голос Кощея.

– Ха! Успели! Успели на самое интересное!

Мыши уселись на массивную люстру под потолком и приготовились лицезреть кульминацию действия, разворачивающегося в зале.

– Ни за что! – возмущённо топнула ногой Василиса.

Мыши свесились с люстры, с любопытством вытягивая шею. На полу, словно потревоженные струны, колыхались

две длинные тени – их хозяина и этой строптивой девчонки в кокошнике.

– И не прикасайся ко мне, Кощей!

– Да я тебя даже пальцем не трогаю! В самый последний раз спрашиваю: полюбишь?

– Не бывать этому! Нечисть!

– Ну, пеняй на себя! – процедил Кощей сквозь зубы.

Мыши увидели, как хозяин протягивает руку в сторону Василисы. Если кому-то довелось бы наблюдать сию картину впервые, ему, наверное, подумалось бы, что Кощей просто предлагает барышне руку. Но мыши видели подобное уже не раз. Да и Василиса быстро поняла, что дело не в любезности. В ладони Кощей вспыхнул маленький голубой огонёк, быстро охватил его руку пламенем, и не успела девушка вскрикнуть, как Кощей выстрелил в неё белым лучом – ярким и пронзительным, как молнии, сверкавшие за окнами замка.

Василису объял белый свет. Раздался громкий звук наподобие щелчка кнута, и в следующее мгновение на том месте, где только что стояла прелестная барышня, оказалась кругленькая зелёная лягушка. В кокошнике.

Мыши под потолком сдержанно хихикнули.

– На выход! – грозно скомандовал Кощей и, легко распахнув массивную дверь, выпихнул лягушку наружу.

Та огляделась, всё ещё слегка ошарашенная внезапным и столь радикальным превращением. Она сидела на каменном крыльце у парадного входа в замок. Вокруг было темно, с за-

тянутого тучами неба лился холодный дождь, каменные перила обвивали колючие плети, а впереди стояла чёрная стена густого леса. Зато свобода. И никакого «замуж» за Кощея! Лягушка обернулась и показала Кощею язык. Тот, заметив это, так хлопнул дверью, что лягушка аж подскочила от грехота.

* * *

Казалось, что под высокими сводами зала всё ещё звенят отголоски ожесточённого спора. Под звуки эха Кощей поплёлся обратно в парадный зал замка. По пути поймал в окне своё отражение. С тёмной поверхности стекла на него смотрел смертельно усталый черноволосый молодой человек с узким лицом и тонкими губами. Кощей усмехнулся. Какая ирония. Бессмертный колдун смертельно устал. Он добрался до своего трона – огромного величественного кресла из мраморных блоков – и с размаху плюхнулся на него.

– Гелик! Резик! – крикнул Кощей. – Где вас носит?!

Услышав зов хозяина, летучие мыши тут же снялись с люстры и ринулись вниз:

– Мы здесь, хозяин!

Они ухватились за сапоги Кощея – тощий Гелик за левый, а пухлый Резик за правый – и, помогая себе крыльями, стащили их с ног хозяина. Сапоги отправились за трон, а взамен мыши вытащили оттуда тапочки с помпончиками в виде

паучков и надели их на Кощея.

Тот смотрел в одну точку, словно не заметив перемены в своём одеянии. Наконец он поднялся и дважды хлопнул в ладоши. Раздался приглушённый рокот, плиты в центре зала разъехались, образовав приличную щель, и из неё поднялась высокая каменная стена, увешанная небольшими листочками с девичьими портретами. Их было так много, что стена казалась пёстрым ковром.

Кощей решительно подошёл к стене и протянул руку. Гелик моментально вложил ему в ладонь вечно пишущую ручку. Стащив с неё колпачок зубами и отплюнув его в сторону, Кощей поставил жирный крест на портрете Василисы. Такой же, какой стоял и на всех соседних. Правда, на стене оставались портреты, избежавшие этой участи. С них смотрели девушки, которые, очевидно, пока не имели счастья познакомиться с Кощеем. Однако таких портретов было совсем мало.

Заложив руки за спину, Кощей, словно полководец – поле битвы, окинул стену суровым взглядом, задержавшись на уже перечёркнутом портрете Красной Шапочки.

– Пардон, мон шер Кощей, ви недостаточно галантны, – внезапно пропищал Кощей, подражая французскому прононсу Красной Шапочки. – Моя *grand-mère* будет *contre, contre!* – Он перевёл взгляд на висящий рядом портрет Белоснежки – и тут же переключился на английский акцент: – Май диа! К несчастью, я уже встречаюсь... с Иваном Дура-

ком!

Мыши, сидящие неподалёку, переглянулись, с трудом сдерживая смех, а Кощей уже несло.

– О! Кощей. Нихт-нихт! – это адресовалось портрету златовласой Рапунцель. Затем высоко подпрыгнув, чтобы взглянуть на принцессу Турандот, он издал череду пронзительных воплей, имитирующих китайский язык. – Короче, моя говорит тебе «неть»! – закончил он писклявым голосом.

Он схватился за голову, запустив пальцы в свою чёрную шевелюру, и на мгновение замер, а потом с остервенением принялся срывать портреты со стены. Некоторые просто бросал на пол, другие рвал на кусочки, подбрасывая их, словно конфетти.

Гелик и Резик уже ретировались, дабы не попасться под горячую руку или ногу. Даже в тапочках Кощей в запале мог так отдавить лапу, что мало не покажется.

Но за годы жизни со своим хозяином мыши уже знали, что может несколько утихомирить его. Они отлетели к высокому органу в дальнем конце зала и принялись наигрывать любимую фугу Кощей. Печальные звуки быстро наполнили огромное пространство и заставили колдуна остановиться. Последние клочки разорванных портретов падали на него, словно ранние снежинки.

– И в целом мире не найти невесты мне... – продекламировал он, словно это была строка из песни или, может быть, какой-то старинной баллады.

– А я согласна быть твоей невестой! – раздался вдруг пронзительный голос.

Гелик и Резик тут же перестали играть. Музыка оборвалась. И даже эха не осталось, словно оно испугалось. Кощей обернулся. У узких витражных окон, за которыми по-прежнему хлестал ливень, стояла женщина, с головой закутанная в тёмно-красный струящийся плащ.

Кощей удивлённо вскинул бровь. Не так-то легко застать его врасплох. Ещё труднее незаметно пробраться в его замок, где глаза и уши буквально на каждом шагу. Да-да, Гелик и Резик вовсе не единственные питомцы Кощея. Сотни их маленьких сородичей гнездились под крышей замка, и уж конечно, кто-нибудь из них да приметил бы непрошеную гостью.

Кощей уже собрался спросить, кто же это почтил его своим присутствием, как вдруг женщина откинула капюшон.

– Мара?! – не веря своим глазам, воскликнул Кощей.

Ошибиться было сложно. Пусть он и видел эту колдунью-демоницу лишь на картинках в колдовских запретных книгах – но как не узнать это странное лицо, то ли девичье, то ли старушечье, эти чёрные спутанные космы до пят, а главное – эти белые слепые глаза, которые вроде и не видят, а всё равно словно смотрят прямо в душу, обжигая адским холодом.

С трудом Кощей сдержался, чтобы не отшатнуться от ужаса. Гелик с Резиком уже давно забились под орган, сплетаясь

там в один дрожащий от страха клубок.

Усмехнувшись, Мара сама сделала шаг к Кощею.

– Сгораю от нетерпения... – протянула она. – Дай обниму тебя, жених мой...

Кощей попятился к трону:

– Э-э-э... ты так прекрасна, что я боюсь приблизиться к тебе...

– Я подойду к тебе сама...

Она приближалась рваными мелкими шагами, как-то неестественно раскачиваясь из стороны в сторону. И ведь Кощей знал, что Мара его не видит. Не должна видеть. Она же слепая как крот! И тем не менее она наступала, как кошмарный туман с реки.

Высокий пронзительный аккорд вдруг взметнулся к потолку и эхом заметался между колоннами: Гелик нажал на какую-то педаль органа. Кощей чуть не рухнул от неожиданности. Еле-еле сохранил равновесие. Но и Мара отвлеклась. Это был шанс. И Кощей метнулся в сторону. Вдруг она потеряет его «из виду». А если добраться до выхода...

– Можешь не стараться, – насмешливо пропела демоничка. – Я хоть и слепая, но вижу её. Эту вещицу... Я знаю, она тебе очень дорога...

Глава 2

А смерть его – в игле!

Кощей остановился, привалившись спиной к колонне. Всё хуже, чем он думал... Он знал, о чём говорит Мара. В это сложно поверить, но приходилось признать, что она видит его иглу. Но как?! Размышлять было некогда. Мара вдруг возникла перед ним. Кощей хотел снова метнуться в сторону, но колдунья выбросила вперёд руку, которая мгновенно растянулась, и её острые холодные когти впились Кощею в горло.

Мара взлетела в воздух, притягивая его к себе. Другую руку она положила Кощею на грудь. Прикосновение этой ладони, напротив, казалось горячим, обжигающим до боли. Хотя Кощей знал, что руки Мары тут ни при чём. Этот огонь исходил от него самого. Так давало о себе знать колдовское заклятие, запёртое в его груди.

Мара продолжала давить ему своими пальцами прямо на солнечное сплетение. Внезапно её рука стала похожа на дым и легко проникла в грудь Кощею. Огненная боль стала невыносимой: заклятие сопротивлялось демонице, не желая покидать назначенного ему места.

Кощей закричал, пытаясь оторвать Мару от себя, но она лишь глубже вонзила когти ему в горло и вырвала у него из

грудь иглу.

– Вот она, игла! – торжествующе воскликнула демоница. – В неё ты спрятал свою смерть.

Игла в её пальцах сияла тревожно пульсирующим голубым светом. Кощей смотрел на неё, почти не узнавая. Когда-то он сам выбрал форму заклятия, которое будет защищать его от смерти, но уже давно привык думать об игле как о части самого себя. Сейчас, глядя на неё в пальцах Мары, он вдруг осознал, насколько был беспечен.

– Отдай... – прохрипел он. – Отдай!

Кощей пытался высвободиться, но происходило что-то странное – он не мог ухватиться за руки Мары, пальцы его проскальзывали сквозь неё как сквозь дым. Но вместе с этим он чувствовал её железную хватку у себя на горле и очень глубоко впивающиеся в кожу когти. И если бы не игла...

– Поэтому ты бессмертный, – с удовольствием протянула Мара. С каждым произнесённым словом она менялась: росла, превращалась в великаншу. Руки её становились словно тонкие плети, обтянутые ярко-красным муаром. По лицу кляксами расползлись чёрные тени. А её спутанные волосы будто обрели собственную жизнь и теперь извивались как змеи. – А если я её сломаю – ты умрёшь... – добавила она.

– Не надо... – прохрипел Кощей.

– Не бойся. Я же собираюсь выйти за тебя замуж. А хорошие невесты не убивают своих женихов... – Мара усмехнулась. – Назначим день свадьбы?

– Давай не будем спешить... – выдавил Кощей. – Проверим наши чувства... Может, через год? – Мара сильнее сжала его шею. – Через месяц?!

– Через неделю! – потребовала Мара. Неожиданно она разжала пальцы, и Кощей рухнул на каменный пол. Демоница опустилась рядом.

– Ровно через неделю я приду и заберу тебя к себе. – Мара протянула Кощей иглу, и тот схватил её, почти не веря, что ему удалось вернуть своё сокровище. А демоница взмыла под потолок, испуская вокруг себя струи чёрного тумана. – И не пытайся от меня бежать, Кощей. Всё равно найду. – Она захохотала и ринулась прямо на Кощея, словно собиралась протаранить его. Он живо перекатился на бок, едва успев увернуться, а Мара врезалась прямо туда, где он лежал секунду назад. И исчезла.

Никаких иллюзий, что нечисть сгинула, конечно, у Кощея не было. После Мары на каменном полу осталось неприятное обугленное пятно, по которому бегали красные искры, – а это значило, что она отправилась напрямик в подземный мир: к себе домой.

Выдохнув, Кощей тяжело поднялся и задумчиво взглянул на иглу. Его обуревали противоречивые чувства. К великому облегчению, она снова у него в руках. Но то, как легко Маре удалось её достать – разрушить все магические преграды, которые он так тщательно создавал, – вызывало нешуточное беспокойство. А ведь проклятая ведьма вернётся, Кощей не

сомневался.

– Хозяин! Хозяин! – К нему подлетел Гелик, тащивший в лапах бессознательного Резика – видимо, бедняга не выдержал и упал-таки в обморок от страха. – Что мы будем делать, хозяин?!

– Сбежим, – решительно сказал Кощей. – Но сначала я спрячу иглу – и так, чтобы Мара её не нашла...

* * *

Дремучие скалы были самым труднодоступным уголком Вражьего леса. Они были похожи на корявые столбы, такие высокие, что их вершины уходили за облака, а добраться до них можно было только с помощью колдовства. А карабкаться на них – напрасный труд: только изрежешься об острые выступы, а какой-нибудь коварный камешек всё равно выскользнет из-под ноги.

Кощей выбрал самую высокую скалу, на вершине которой уже много сотен лет рос дуб: если это дерево сумело уцепиться за камни и выжить на такой высоте, то уж его сокровище оно точно сбережёт.

Для верности он взял с собой ещё двух помощников. Не Гелика и Резика, а утку и зайца. Утку Кощей поймал в ручье, журчащем на дне рва, окружающего его замок, чтобы спрятать в ней яйцо, в которое положил иглу. А зайца прихватил уже по дороге. Ушастый увязался за ним в лесу и, как по-

казалось Кощею, вздумал насмеяться над ним из-за кустов. Ну конечно, не каждый же день увидишь самого Кощея Бессмертного, разгуливающего по лесу с уткой в руках. Но это никак не было поводом наглеть до такой степени. И Кощей решил прихватить его с собой в качестве ещё одного уровня защиты. Не повредит. Для его драгоценной иглы никакая защита не будет лишней.

Потребовалась парочка заранее заготовленных заклинаний – и всё было готово: игла в яйце, яйцо в утке (она очень удивилась), а утка в зайце (этот удивился ещё больше и долго плевался перьями). После всех произведённых операций усталые зверушки мирно спали, прекрасно уместившись в крепком сундуке, обшитом металлическими лентами.

Для верности Кощей нацепил на него пару замков и обмотал цепью, выкованной, кстати, в родных местах Мары. Другой конец цепи Кощей закинул на самую толстую ветку дуба и поднял сундук вверх, в самую середину густой кроны, надёжно скрыв его ветвями и листвой.

Вздыхнув с облегчением, он спрыгнул с дерева и подошёл к краю скалы. У его ног колыхался океан чёрных туч. Вокруг торчали пики соседних скал-столбов, похожих на островерхие шлемы царских стражников. Вокруг свистел ветер. Кощей с удовольствием раскинул руки, принимая грудью его могучий порыв:

– Теперь мою иглу никто! Никогда! Не найдё-о-от!

Чего он не видел, так это Бабу-ягу, которой приспичило

срезать путь через Вражий лес. Засмотревшись на Бессмертного, она не совладала со своей ступой и врезалась в скалу. Её вопль потонул в раскате грома – предвестнике новой грозы. И Кощей так и остался в неведении относительно неожиданного свидетеля.

Глава 3

Завоюй меня, если сможешь

Оглушительный рёв сигнального рога разносился по всему Тридевятому царству. Хотя стоял белый день, улицы его были почти пусты, не считая случайных бедолаг, которые, очевидно, попросту не успели добраться до главной арены Тридевятого царства, где в этот миг разворачивалось преинтереснейшее действо.

Арену окружала стена из массивных заточенных брёвен-кольев. На них висели трофеи – шлемы и куски доспехов, оставшиеся от поверженных здесь рыцарей. В обычные дни вокруг арены ошивались мальчишки, за пятак предлагавшие гостям Тридевятого царства провести экскурсию и рассказать, как был добыт тот или иной трофей. Туристы охотно соглашались, некоторые приходили дважды, а то и трижды, потому что истории смышлённые пареньки рассказывали затейливые, а главное – каждый раз разные.

Но сегодня мальчишек не было. Все они сидели на трибунах, как и большая часть жителей столицы. Крепкие скамейки поскрипывали от волнующейся толпы – купцов и городских, мясников и зеленщиков, кузнецов и часовщиков, а также заморских гостей, которые на сей раз могли своими глазами наблюдать за пополнением коллекции трофеев.

В верхних рядах под резным навесом сидели барышни со своими няньками-бабками. Все в расшитых сарафанах, расписных кокошниках и раздумяившиеся от волнения. Было от чего – ведь глашатай в цветном колпаке уже готовился объявить следующего участника турнира. В последний раз дунув в рог, он наконец поднял свой бесконечный свиток.

– Следующим за руку и сердце Варвары сразится... – Он сделал многозначительную паузу. – Заморский рыцарь Ланселот!

Толпа взорвалась восторженными криками – от громогласного рычания пьяниц внизу до визгов, доносившихся из-под резного навеса.

За спиной глашатая распахнулись кованые створки ворот, и на арену выступил Ланселот в рыцарских доспехах. Совершенно новеньких. Блестящих. Золотые пластинки без единой царапины сверкали в солнечных лучах. В одной руке Ланселот держал довольно массивный меч, а в другой – красную розу. Раскланиваясь направо и налево, рыцарь прошествовал в центр арены и остановился напротив статного богатыря в шлеме. У того доспехи были не такими шикарными, да и вообще уже изрядно потрёпанными. В кованой кольчуге, опускающейся на бёдра, не хватало звеньев. На забрале, закрывающем лицо воина, красовалась пара вмятин. Тем не менее богатырь уставшим не выглядел. Без лишних церемоний он поднял свой меч и бросился в бой.

– Ланселот! Ланселот! Ланселот! – скандировали трибу-

ны.

Воодушевлённый поддержкой, тот принялся кружить по арене, размахивая то розой, то мечом. У него явно было настроение повеселиться, а не подраться. Что и вышло ему боком. Противник Ланселота, будто играючи, сделал всего пару ловких выпадов – и поверженный рыцарь распластался на песке. Его меч отлетел в одну сторону, роза, роняя лепестки, отправилась в другую.

А богатырь между тем снял шлем – перед публикой стояла сама виновница торжества Варвара. На её щеках играл румянец. Тугая коса растрепалась. Но в голубых глазах плясали смешинки. Ещё одна победа!

К ней уже бежала нянька Агафья – низенькая старушка, довольно бойкая для своих лет.

– Умница, вот же умница, – причитала она, забирая у Варвары шлем, меч, а заодно и тяжёлый щит.

Для таких вещей обычно брали оруженосца. Но поговаривали, что Агафья и сама была из богатырского рода, так что таскать доспехи подопечной было ей только в радость.

Толпа привычно ликовала. Не было горожанина, который бы не знал, что своих потенциальных женихов красавица Варвара предпочитает испытывать сама. Её явление после боя могло удивить разве что заморских купцов да проезжих, оказавшихся в стольном граде с какой-то okazji. Но Варвару всё равно всегда встречали с таким восторгом, будто никто не ожидал её увидеть.

– Я люблю тебя, Варвара! – кричал кто-то с левой трибуны.

– Возьми меня в свой плен! – умолял кто-то с правой.

– Варвара, выходи за меня замуж! – крикнул старикашка с первого ряда, размахивая клюкой.

Варвара заливисто рассмеялась.

– Ну, бери меч, спускайся. Посмотрим, какой ты жених, – весело крикнула она.

– Ой, чегой-то у меня живот прихватило... – тут же пошёл на попятную несостоявшийся кандидат.

Трибуны взорвались смехом. Вместе с ними и Варвара. После боя кровь бурлила у неё в жилах.

Оруженосцы Ланселота между тем оттащили своего господина с арены и подобрали его оружие. Осталась только помятая роза. Её подхватил глашатай и, размахивая цветком словно дирижёрской палочкой, провозгласил:

– А теперь попрошу аплодисментов. Сегодня нас посетил царь Горох! – Широким жестом он указал на высокую башню, возвышающуюся над ареной. На самом её верху была устроена ложа с изящным навесом. Со всех сторон она была обтянута алым атласом, а по бокам её украшали стяги земель Тридевятого государства, трепетавшие на ветру, будто разноцветные крылья.

С земли был почти не виден трон с высокой бархатной спинкой. Но всем и каждому было понятно, что этот трон пуст. Как и вся ложа. Никакого царя Гороха там не было.

Глашатай запнулся на секунду, но быстро взял себя в руки и добавил:

– который временно отсутствует по своим важным царским делам! И вернётся к нам, как только сможет! – Одинокие хлопки были ему ответом. – А пока встречайте следующего участника турнира – славного рыцаря Готфрида Бульонского!

И толпа вмиг забыла об отсутствующем царе. Как и Варвара. Она окинула взглядом нового противника и сделала знак Агафье – не надо оружия. Постоянные зрители знали, что это значит – прекрасная богатырша собиралась расправиться с новым соперником голыми руками.

– У-у-у, – одобрительно загудели трибуны.

* * *

Между тем царь Горох действительно посетил турнир. Только глашатай указал на царскую ложу, что, конечно, было логично, а следовало бы – на ангар под трибуной, где готовились к выходу на арену противники и по совместительству претенденты на руку Варвары.

Именно там, забравшись внутрь громоздкого сооружения, напоминающего бочкообразного рыцаря с короткими ножками, сидел злополучный царь Горох. Несмотря на размеры механизма, кабина внутри него была тесной и душной. Благодаря невысокому росту царь помещался в ней почти с ком-

фортом, но духота сводила его с ума, и ему приходилось то и дело промокать потную лысину. Он щёлкал рычажками и крутил ручки, лихорадочно вспоминая инструкции от механиков Степана и Мотьки.

При повороте очередной рукоятки вдруг дрогнул рожок, висящий прямо над ухом царя, и раздался треск, заставивший Гороха подпрыгнуть на сиденье. Звук перешёл в шипение, и наконец певучий голос произнёс:

– ...Волшебное радио Тридевятого государства – о важнейших событиях недели. По мнению экспертов, казна царя Гороха пуста. Пока никто не знает, как царь решит эту проблему.

Горох заметался и попробовал выключить радио, но поскольку включил он его случайно, то уже и не помнил, что надо нажать или покрутить.

– Окаянные мастерюги! – выругался он. – Вентиляцию нормальную не сделали, а говорилку эту – нате пожалуйста!

– Поговаривают, что у царя даже дырки в карманах, – возбуждённо продолжала вещать ведущая. – Две в левом и три в правом...

– Брешут! – возмутился царь и, бросив рычаги, засунул руки в карманы своего парчового кафтана.

Ну, дырки и правда были. Но две – в правом! А три – в левом! Явная же клевета! Царь Горох снова принялся шарить по всем рычажкам и ручкам.

– ...А в эти минуты на главной арене государства прохо-

дят очередные бои за руку и сердце богатырши Варвары. Мы разузнали о завещании, оставленном Варваре её отцом, славным богатырём Святогором. – Царь Горох замер, с трепетом прислушиваясь к голосу. – «Терем трёхэтажный – одна штука, куриц несущек – 10 штук и петуха Гришку, Борьку-порося одна штука. А также: внимание! Золото, серебро, алмазы в несметных количествах!..»

Царь Горох поймал собственный взгляд в отражении круглого смотрового окошка. На него смотрел немолодой мужчина с широким приплюснутым носом, рыжеватыми усами и такого же цвета волосами: их на его головушке осталось всего ничего – редкая поросль вокруг блестящей лысины, на которой, словно островок, торчала корона – последнее достояние незадачливого царя.

Горох мрачно нахмурился.

– Всё моё будет! – заявил он прямо в рожок, словно хотел докричаться до волшебницы-ведущей.

Он потянулся к панели и как-то по наитию сразу нашёл нужный рычажок. Радио умолкло. И тут же вспомнились все мудрёные инструкции Степана и Мотьки. Царь потянул на себя самый большой рычаг, провернул золотой ключ, торчащий перед ним, и конструкция ожила. Рыцарь скрипнул, расправляя механические суставы, затарахтел и стал покачиваться из стороны в сторону.

Глава 4

Так себе рыцарь

Готфрида Бульонского уволокли за ноги так же, как и Ланселота. Бой получился – загляденье. Трибуны ликовали. Варвара расхаживала вдоль ограды, чуть ли не пританцовывая, и упивалась радостью толпы, словно солнечными лучами. Девицы под резным навесом снисходительно обсуждали Ланселота и Готфрида.

А глашатай поглядывал на башню, чтобы не пропустить возвращения царя и всё-таки представить его народу. Однако ложа по-прежнему пустовала. Только сороки да голуби налетели, позарившись на горку пирогов, ждущую царя на маленьком круглом столике.

Делать нечего. Исполнив эффектный пируэт, глашатай выпрыгнул в центр арены.

– В следующей схватке, – провозгласил он, – с Варварой сразится железный рыцарь, который скрывает своё благородное имя!

И в очередной раз рог огласил арену приветственным рёвом. Ворота снова поднялись, и изумлённое «Ааах!» волной пронеслось по трибунам. Много диковинок повидали жители стольного града, но такого чуда им ещё не являлось. Железный рыцарь был не совсем железным. Он походил на

огромную бочку, окованную металлическими пластинами и обмотанную массивными цепями. На крышке бочки красовалась железная луковка, а к верхнему краю была привешена бочка поменьше – с окнами-отверстиями. Она покачивалась, будто кивала. И из-за этого рыцарь был похож на сгорбившегося великана, который, опустив буйную головушку, грозно наступает на свою противницу. При этом рыцарь шипел, лязгал железными башмаками, тяжело переставляя ноги, и выпускал какую-то особо вонючую гарь из двух выхлопных труб.

В довершение всего великан держал в левой руке небольшой щит-солнце с острыми лучами, а в правой руке-клевше – меч с зазубренным лезвием. Оружие было огромным. Величиной с Варвару, если не больше.

В первый момент Варвара опешила. Но ещё не исчезнувший кураж дал о себе знать.

– Агафья! – крикнула она через плечо, не отрывая глаз от гиганта.

– Бегу, бегу! – Нянька метнулась к ней со снаряжением в руках. – Наподдай ему, милая!

Оружейники успели почистить меч и щит от пыли и даже подправили вмятины на шлеме.

– Давай-давай, наряжайся, – прошипел царь Горох, наблюдая за богатыршей из кабины. – Всё равно не отобьёшься, Варварушка... – Он нажал на рычаг. – Быть тебе моей женой!

Великан вдруг подскочил и неожиданно быстро побежал к Варваре. Каждый его шаг-прыжок поднимал облако пыли и отдавался гулким грохотом. На последних шагах замахнулся мечом. Первый удар Варвара приняла щитом. Её отбросило назад, и она едва успела сгруппироваться, чтобы не упасть навзничь. А в следующий момент щит, столько времени верно ей служивший, раскололся на несколько частей. Варвара вскрикнула – больше от неожиданности, чем от испуга, – но горевать над любимым щитом было некогда: великан снова наступал. Варвара пригнулась – и лезвие меча с низким свистом пронеслось у неё над головой.

Девицы на трибунах завизжали. Мужчины загудели. Бой боем – но всё же предполагалось, что Варвара станет невестой победителя. А как же ей быть невестой, если этот полумный зарубит её?!

Варвара тем временем лихо запрыгнула на бочку и принялась рубить железную маковку. Великан завертелся, пытаясь скинуть богатыршу. Внутри кабины трясло так, что царю приходилось одной рукой придерживать корону, чтоб она не свалилась с макушки. Однако происходящее его искренне веселило.

– Ну давай, давай! Ударь меня! – кричал он, хоть и знал прекрасно, что богатырша его не услышит.

Смотровое окошко вдруг разлетелось на мелкие осколки, и в кабину просунулось остриё меча. Кажется, у Варвары всё-таки есть шансы дотянуться до него.

Горох отпрянул. Нужно это заканчивать. Он нажал на педаль, дёрнул за рычаг – и рыцарь, взмахнув мечом, сшиб Варвару рукоятью. Она отлетела в сторону и упала на песок. Люди на трибуне охнули, все вытянули шеи, разглядывая, как там она. Но Варвара поднялась быстро. Только вот шлем, принявший на себя удар, теперь из-за вмятины мешал обзору. Поэтому она сняла его и отбросила в сторону. Лучше уж совсем без него.

Механический рыцарь тряхнул своим щитом-солнцем и двинулся на Варвару. Та бросилась ему навстречу, прямо перед ним рухнула на колени и по инерции проехала под днищем, полоснув по нему мечом. Она рассчитывала рассечь механического противника снизу, раз уж сверху не получилось. Но рыцарю это не повредило. Вообще никак. Дно было укреплено не хуже верхушки.

Варвара выдохнула. Ничего. У этой бочки должно было быть слабое место, и она его найдёт. Вскинув меч, она снова бросилась на рыцаря. Но тот неожиданно поднял ногу и попросту пнул Варвару.

Она перелетела через всю арену и рухнула у деревянного ограждения. И на этот раз поднялась не сразу. Кольчуга, конечно, её спасла, но ей нужна была передышка, давать которую ей не собирались.

– Дорогая ты моя, драгоценная, – протянул царь Горох, глядя на Варвару через разбитое окошко. – Все твои денежки теперь моими будут... Получай!!! – Он нажал на рычаг –

и кулак рыцаря полетел Варваре прямо в голову. Она зажмурилась. По трибунам пронёсся вздох ужаса. Но кулак остановился в миллиметре от её лица. – Ой... – опомнился Горох в последнюю секунду. – Чуть не прихлопнул. – Было бы крайне недалекоvidно избавиться от хозяйки сокровищ ещё до свадьбы.

С трибун послышался недовольный свист.

– С ума сошёл, что ли?! Идиот! – крикнул кто-то.

Его поддержали возмущённым гулом.

– Да не вякайте, – отмахнулся Горох.

Надо было обездвигить Варвару, чтобы глашатай признал его победителем. Тогда можно будет выбраться из этой душевной бочки и заняться уже приятными делами – подсчётом приданого своей невестушки. Но, как назло, рычаг, который только что работал легко и свободно теперь не желал поворачиваться.

– А чё заело-то? – Царь навалился на него всем телом. В глубине механизма что-то хрустнуло, и обломок рычага остался у Гороха в руке.

Он с чувством ругнулся. Ладно, не беда. Он глянул в окошко, чтобы проверить, как там Варвара, и обомлел – возле частокола, где только что лежала богатырша, никого не было.

– А ты где?! – прямо-таки возмутился Горох. – А это чё такое, чё такое?!

Варваре хватило времени, чтобы прийти в себя и оценить

обстановку. Бочка на ножках, несмотря на свой неуклюжий вид, оказалась слишком крепкой. И неожиданно ловкой. Но правила турнира гласили, что если участник боя по какой бы то ни было причине покидает арену, то он считается проигравшим. Это Варвара организовать могла.

Собравшись с силами, она снова кинулась под брюхо рыцарю и схватила его за ногу. Ей понадобилось по-настоящему богатырское усилие, чтобы оторвать его от земли, но потом дело пошло легче – раскрутив конструкцию, Варвара отправила её в свободный полёт. Бочка, дрыгая ногами и руками, описала широкую дугу и исчезла где-то далеко за пределами арены.

Глава 5

Царь и Петрушка

Жуткий полёт казался бесконечным. Царя Гороха мотало по всей кабине. Он бился о стенки, а проклятые рычажки, рожки и прочие торчащие детали впивались ему под ребра и во всякие мягкие места, будто мстили за неаккуратное обращение. Горох успел припомнить всех известных богов – и Перуна, и Велеса, и Мокошь, и...

Хрясь!

Посадка тоже оказалась жёсткой. Горох успел вцепиться в кресло перед самым падением, иначе и костей было бы не собрать. От удара у бочки хрустнула боковина и отвалился входной люк. Царь выбрался из него, вне себя от злости.

– Всех мастеров велю казнить! – в сердцах воскликнул он. – Последние деньги на эту махину потратил...

Он пнул лежащего рыцаря – и тут же с воем схватился за ушибленную ступню.

– Нужно было у немчуры заказывать, – раздался вдруг ехидный голос.

Горох тут же забыл о ноге и нервно заозирался по сторонам. Только сейчас он заметил, куда попал. В какую-то глухую подворотню. От внешнего мира её отделяла высокая деревянная стена, сколоченная из старых, местами уже под-

гнивающих досок. Задние стены домов, когда-то белёные, покрылись трещинами, облупились и посерели от грязи. Маленькие окошки были плотно закрыты простыми деревянными ставнями. На некоторых висели внешние засовы. Мостовой, если тут, конечно, когда-нибудь была мостовая, не было видно под толстым слоем грязи. Вдалеке тревожно мялась парочка свиней – рыцарь рухнул с неба прямо в лужу, в которой они возились.

Словом, местечко выглядело довольно уныло. Но тут кто-то был...

– Кто здесь? – спросил Горох, изо всех сил пытаясь придать своему голосу должную твёрдость.

– Поигра-ай со мной... – протянул невидимый собеседник.

Царь резко развернулся на голос и увидел большую кучу мусора – какие-то сломанные колёса, щербатые лопаты с кривыми черенками, разбитые горшки и ветхие тряпки. Но поверх всего этого стоял некий предмет, прикрытый серой простынёй. Хотя по сравнению с остальным барахлом она казалась почти свежей.

– Подходи, не робей, ваше величество, – усмехнулся голос.

Да, он доносился именно из-под этой простыни. Царь нахмурился. Возможно, в другой раз он предпочёл бы не связываться со странными голосами. Мало ли какие духи нечистые водятся в подворотнях стольного города. Изгоняешь их,

изгоняешь, ведунов звать приходится – а толку никакого: возвращаются на запах человеческих грешков, как крысы на помойку.

Однако сейчас царя всё ещё обуревали злость на негодяйку Варвару и разочарование от упущенных богатств, и он не собирался позволять командовать какой-то тряпке.

Он решительно направился к предмету и сдёрнул с него простыню.

Петрушка.

Это был Петрушка.

Всего лишь тряпичная шутовская кукла в грязном колпаке с отворотом и рваной зелёной жилетке. Из-под колпака торчали обрывки чёрной пакли, изображавшей волосы. А через всё облупленное лицо Петрушки была намалёвана широкая зубастая ухмылка, делающая его довольно жутким.

Царь поднял куклу. Иногда скоморохи-потешники, давая представления с такими наручными куклами, накладывали на них простенькие заклинания – покупали их у деревенских ведуний по пятаку за десяток. Заколдованная таким образом игрушка могла болтать всякую чушь примерно час. А для представления больше и не надо. У этой, видать, колдовская сила ещё не выветрилась.

Царь надел Петрушку на руку. Кукла тут же повисла, как и полагается тряпичной игрушке.

– Вот же уродец! – хохотнул Горох.

Будто в ответ позади что-то гроыхнуло. Царь мигом

обернулся и увидел стайку крыс, удирающую через подворотню в тёмный подвал.

Когда он снова обернулся, Петрушка стоял торчком, ухмылялся во все тридцать два зуба и смотрел на царя с нехорошим прищуром.

– Приве-е-ет! – протянул он, и его голова с мелодичным звоном провернулась вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов. – Йо-хо-хо-хо! Поиграем! – И не успел царь испугаться, как в руках Петрушки появилась увесистая дубинка, которой он принялся лупить Гороха.

– А-а-а! – завопил Горох и забегал по проулку, пытаясь стащить Петрушку с руки. Но тот сидел словно приклеенный.

Промелькнула холодная мыслишка, что это не просто игрушка с подложенным заклинанием, а какая-то нечисть, и от этого испуг превратился в настоящую панику.

Петрушка хохотал всё громче и всё бойчее орудовал палкой, колотя царя.

– Стража! Стража! – вопил тот, но его крики будто тонули в густой вязкой грязи.

– Давай, вопи! Вопи ещё! – подначивал Петрушка. – Никуда не денешься.

Горох упал на землю, навалился на Петрушку и, собрав все силы, сдёрнул куклу! С воплем отбросив Петрушку подальше, он, оскальзываясь на досках, побежал прочь, к просвету между домами. Надо выбраться отсюда. Куда угодно.

К людям! К страже! Но с каждым шагом возникало ощущение, что он стоит на месте.

Царь глянул себе под ноги. Он никуда не сдвинулся, потому что увяз по щиколотку в грязи и его засасывало всё глубже.

Петрушка разразился злым хохотом.

Царь вскинул голову. Нечисть – а теперь уже не было сомнений, что это не просто кукла, – ползла к нему, перебирая ручками и волоча за собой тряпичное тельце. Голова Петрушки вертелась на шее, издавая скрипучие фальшивые звуки, словно сломанная музыкальная шкатулка.

Царь забарахтался, пытаясь отползти подальше.

– Люди! – снова попытался позвать он на помощь. – Стража! Кто-нибудь! Уйди! Уйди!

– Не бо-ойся! – скалился Петрушка. Его глаза выпали из орбит и качались на пружинках, но всё равно каким-то образом внимательно следили за царём.

Внезапно царь наткнулся на какой-то предмет. Он обернулся и увидел... будильник. Большой, с кривыми стрелками и золотым ободком вокруг циферблата. Он смотрелся здесь настолько чужеродно, что царь на мгновение опешил.

И вдруг обнаружил, что жуткая музыка прекратилась.

Царь испуганно посмотрел перед собой. Петрушки не было. Пропал.

Горох замер на мгновение, не в силах поверить, что ему так повезло. Он собирался уже встать, как вдруг над голо-

вой у него раздался пронзительный дребезжащий звон. Горох подскочил и в ужасе уставился на свою руку. Петрушка снова сидел на ней как влитой и со смехом размахивал звенящим будильником.

– Может, полетаем? – весело предложил он.

И царь почувствовал, что его тянет вверх, а ноги отрываются от земли.

– Отпусти-и-и! – взвыл он, когда они поднялись почти до самых крыш.

– Отпустить? – переспросил Петрушка и, разжав пальчики, отпустил будильник.

Тот шмякнулся о землю и разлетелся на шестерёнки, пружинки и осколки. Но хоть дребезжать перестал.

– Опустит! – поправился царь. – Поставь меня на землю, слышь! Чего тебе от меня надо?!

– Другой разговор! – заявил Петрушка и действительно опустил царя. Но не на землю, а прямо в стоящий у стены большой деревянный ящик, в котором пахло тухлой капустой. Что там в реальности было на дне, царь рассмотреть не смог – сверху упала крышка, и он оказался в полной темноте.

Вдруг вспыхнул огонёк. Это Петрушка словно свечку поджёг собственный палец. Язычок был слабеньким, и его робкого света хватало лишь на то, чтобы осветить бледное лицо куклы с её жуткой ухмылкой.

– Ты кто таков?! – рявкнул царь. – Чего тебе от меня надо?

– Я Петрушка... Разговор у меня к тебе есть.

– Какой ещё разговор?

– Слышал, ты на Варваре хочешь жениться?

Горох разозлился. Чтобы ещё нечисть топталась по его больным мозолям!

– Не твоего ума дело... – огрызнулся он. – Люблю я её! –

Он вскочил, в последний момент испугавшись, что стукнется головой о крышку и потеряет корону. Но, к своему удивлению, обнаружил, что место, где они находятся, гораздо больше обычного ящика.

– Другим сказки рассказывай... Приданое-то у неё богатое.

– А у меня казна пустоватая... – растерянно откликнулся царь. – Он взмахнул рукой с надетым на ней Петрушкой в надежде, что огонёк на его пальце осветит побольше пространства и можно будет осмотреться. Но пятно света оставалось крошечным, и царь видел лишь дощатый пол и чувствовал назойливый запах тухлой капусты. А Петрушке было всё равно, что им размахивают.

– А хочешь, твоя казна будет ломиться от золота? – нараспев спросил он.

Царь остановился:

– Как это?

– Увидишь!

Петрушка снова дёрнул царя вверх, и они, выскочив из ящика, полетели прочь из подворотни.

– Куда?! Куда ты меня тащишь? – заорал царь, правда, уже

не пытаюсь сопротивляться дьявольской кукле.

– На Варвару глянем! – И Петрушка с улюлюканьем поднялся выше, утаскивая за собой царя.

* * *

Турнир подходил к концу. Но финал получился впечатляющим. На руку Варвары претендовал Соловей-разбойник! Хотя он, может, не столько хотел жениться на богатырше, сколько просто победить её. В последнее время в поединках с богатырями у него не ладилось. Уже даже скоморохи начали сочинять обидные частушки о его провалах, и Соловью позарез надо было взять реванш хоть с кем-то из богатырского племени.

И вот, стоя на арене Тридевятого царства, он свистел что было мочи. Зрители на трибунах сидели, зажав уши, а Варвара старалась преодолеть мощную струю ветра и звука, не дающую ей подступиться к противнику. Она воткнула свой меч в землю, чтобы удержаться на месте, но это была провальная тактика. Она не могла даже пальцем шевельнуть. Поднятые свистом клубы песка и пыли набивались в рот и в глаза. А Соловей, очевидно, мог свистеть ещё долго. Что ж, до вечера тут торчать как вкопанной?!

Мимо пролетел глашатай. Бедолага, видать, решил прокомментировать происходящее, подошёл слишком близко – и соловейским свистом его прижало к ограде арены. И Вар-

варе пришла в голову идея. Она отпустила меч и, позволив потоку воздуха подхватить себя, сгруппировалась, у самой ограды перекувырнулась, подхватила края своего плаща и практически взлетела на силе ветра от свиста Соловья.

Тот сделал было малюсенькую передышку, чтобы набрать в грудь воздуха для следующего захода, – и обнаружил, что Варвара пропала. Он поперхнулся, закашлялся и поманил пальцем глашатая:

– Чё стоишь, кха-кха! Постучи, кха-кха!

Глашатай кинулся к нему, но едва оказался рядом, Соловей схватил его за горло:

– Где Варвара?

– Помилуй! – жалобно прохрипел глашатай. – Я не знаю...

Улетела куда-то...

– Варвара! Ты где?! – крикнул Соловей.

– Здесь я, свистун. – Она приземлилась прямо перед ним и, не дав ему набрать в грудь воздуха, ударила его промеж ног. Соловей всё-таки свистнул – тоненько и жалобно. И осел на землю.

Глашатай с облегчением объявил победу Варвары.

Агафья притащила ей золотую братину с водой. После такого боя надо как следует освежиться. А ошалевшие от залихватского свиста зрители принялись аплодировать.

– Нет такого удальца, который мог бы победить нашу Варвару! – крикнул кто-то.

Его поддержали одобрительными возгласами.

– Разве что Кощей Бессмертный! Тебе его не победить!

Трибуны мгновенно затихли. Варвара опустила сосуд, вытирая губы рукавом. А глашатай устремил взгляд на царскую башню – именно оттуда кричали про Кощея.

Ложа больше не пустовала. Там сидел царь Горох со скормошьей куклой на руке. Когда он вернулся? Никто не заметил – все следили за поединком Варвары и Соловья. Это он крикнул про Кощея? Наверное. Больше-то некому. Царь, заметив, что на него смотрят, отпрянул вглубь ложи. Петрушка снисходительно ухмыльнулся, но тянуть его обратно не стал.

Между тем по рядам пополз согласный ропот.

– А ведь точно! – подтвердил кто-то довольно громко.

– Вдруг он тебя похитит?! – снова крикнул Петрушка. –

Что тогда?

– Да! Что будешь делать? – подхватили с трибун.

Вопрос был крайне интересный на самом деле. И все зрители, даже барышни под резным навесом, вытянули шеи, выглядывая Варвару. Ей надо было что-то ответить.

– Ну... тогда... – Варвара ненадолго задумалась. – Выйду за доброго молодца, который освободит меня от этого злодея!

Одобрительный гул затопил трибуны. Ответ был правильным. Если кто-то сможет победить злодея, с которым не справится Варвара, значит, он точно достоин её руки. Логично? Логично!

– Смекаешь? – спросил Петрушка у царя.

– Чё тут смекать-то? – недовольно пробурчал тот

В руке Петрушки вновь появилась палка, и царь инстинктивно отклонился, ожидая удара, но уродец просто почесал себе спину.

– Будет Варвара твоей невестой, – заявил он, скребя палкой себе по загривку.

– Врёшь ты всё, – отмахнулся царь.

– Не вру! Слово даю. А поможет нам в этом Кощей.

– Это как это? Как это?

– А так...

Петрушка склонился к царю и принялся нашёптывать ему на ухо. У царя Гороха округлились глаза:

– Так он же бессмертный...

– Ну это как сказать... Так что, договорились? – И он протянул для пожатия свою тряпичную ручонку.

Царь на мгновение задержал на ней взгляд. Связываться с неизвестной нечистью себе дороже. Подлое племя. Но будто у него есть выбор. Казна пуста. В бою Варвару победить не удалось. Может, ему как раз и не хватало такого помощника?

– Договорились! – отрезал царь и наотмашь ударил по ладони Петрушки.

Глава 6

Как Колобок от Лиса ушёл

Первое правило безопасности при посещении Вражьего леса гласило – не ходите во Вражий лес.

Это самое надёжное, что можно придумать. Потому что если путнику удавалось не подцепить дикую кикимору, миновать логово Лиха Одноглазого, не разбудив его, избежать русалочьих колодцев и не привлечь внимания Кощея Бессмертного, то всегда был шанс стать ужином для волков.

А уж если человек может запросто стать едой – то что говорить о том, кто был едой по изначальному замыслу? Ему уж точно нужно держаться подальше от этого места. Так размышлял Колобок, катясь через полянку, которая на первый взгляд казалась вполне безопасной. Но на всякий случай он прикрывался двумя еловыми ветками. Что делать-то, если он уже попал в этот лес?..

– Выжить любой ценой, – бормотал он себе под нос. – Вот главная задача, если вас могут съесть в два счёта.

– Каррр! – С хриплым криком над Колобком пронеслась огромная ворона.

Тот в ужасе замер, накрывшись еловыми ветками. Почему этот лес вообще называют Вражьим? Этого уже никто не помнил. Может, оттого, что тут было полно коварных овра-

гов и рытвин, а ещё колдунов и ведьм, вороживших по ночам? С Кощеем во главе, знамо дело. Или же оттого, что за каждым кустом поджидал враг.

Кстати, о кустах.

Переждав, пока ворона скроется, Колобок вынырнул из-под веток и увидел прямо перед собой куст, усыпанный блестящими чёрными ягодами.

– Чтобы выбраться из леса, надо быть сильным и ловким! – Он подкатился к кусту и принялся срывать ягоды и отправлять их в рот. – А для этого надо быть сытым!

Колобок схватил особенно крупную ягоду и тут же понял, что это вовсе не ягода. Нос. Это определённо чей-то нос. Кусты угрожающе затрещали. Нос дрогнул, приплюсываясь, и из кустов, зевая, поднялся Лис. У Колобка от страха в пузе будто начали дрожжи бродить. Лис был огромным. Не потому, что у страха глаза велики, а реально здоровенный. Такому Колобок на один зубок.

Лис подбоченился и с хитрым прищуром взглянул на Колобка.

– Какой пухленький, – почти с умилением сказал он и облизнулся. – И корочка румяная.

– Хо... Хочу предупредить! Х-хлеб оч-чень вреден для здоровья, – заикаясь, проговорил Колобок и засеменял назад, спотыкаясь на острых камешках. – От него бывает ожирение... Э-э... Насморк... Э-э... Облысение?

Лис наступал и ухмылялся:

– Ничего страшного. Гораздо вреднее отказывать себе в маленьких вкусностях. Ты ведь вкусненький?

– Карррр! – Давешняя ворона вернулась и снова описывала круги над поляной.

Лис на мгновение отвлёкся и посмотрел вверх. Этой секунды хватило, чтобы Колобок развернулся и покатился прочь. По кочкам через поляну, по узкой тропинке, по ямкам и ухабам. Через овраг со стоячей водой, через овраг, заросший колючим можжевельником, через овраг, где спала дряхлая кикимора. Оврагов во Вражьем лесу и впрямь было много.

А Лис не отставал...

Колобок выкатился на край очередного оврага и заметался. Этот был больше остальных. Не овраг, а целая пропасть. Неподалеку через неё вёл узкий каменный мост. Колобок закатился на него – и через несколько метров понял, что его отношения с высотой не задалась. Особенно с такой высотой – когда под ногами сплошная чернота, дна не видно, а мостик всё сужается и сужается. Но кто же знал, что это так страшно!

Однако Лис уже выскочил из леса, заметил Колобка и тоже кинулся к мосту. Возможности выбрать другой путь к спасению больше не было. Только вперёд!

В замке Кощея царила суэта. Летучие мыши, вся огромная стая, занимались упаковкой вещей.

– Аккуратнее, аккуратнее! – пищал Гелик. – Заворачивайте как следует! – Он висел на люстре вниз головой и отмечал в блокноте вещи, готовые к отправке. Со своего места он мог следить за всем залом – вон двое потащили свёрнутый ковёр. Персидский, летучий. В углу ещё двое пытались завернуть в вату мраморную статую Аполлона. Чтобы ничего, значит, не откололось. Через зал спешила группка мышей, волочивших картину в золочёной раме. За ними ещё двое тащили объёмный тюк. – Что там? – всполошился Гелик, слетая с люстры вниз.

Мышь, тащившая мешок, развязала завязки, и на пол выкатилось несколько рулонов туалетной бумаги. Четырёхслойной. Гелик удовлетворённо фыркнул и показал своим собратям, чтоб тащили тюк в общую кучу.

«Предметы гигиены», – сделал он пометку в своём свитке.

Мимо Гелика меж тем прошествовал Кощей с коробкой нужных вещей из его колдовской лаборатории, которые он собирал и упаковывал сам. Поставив свою ношу на пол, рядом с горой самого разного скарба, он сделал несколько шагов назад, чтобы оценить размеры бедствия. Всё это предстояло каким-то образом перетащить в новое убежище.

– Хозяин, хозяин! – К Кощею подлетел радостный Резик. – А куда мы убежим от Мары?

– На край света! – заявил Кощей.

– Ура-а! – Резик аж перекувырнулся в воздухе от восторга. – Мы отправляемся на край света!

– Ура-а-а! – подхватили мыши, взмыв всей стаей под потолок.

– Там вечные льды, длинные ночи и ледяной океан... – на всякий случай сообщил Кощей. Края света ведь бывают разные. Он выбрал тот, где Мара имела бы все шансы отморозить свои длинные заgreбушие руки. В её-то подземелье жара.

Мыши замолкли и расселись по карнизам и выступам на колоннах.

– Ура-а! – присоединился Гелик к своему собрату. – Там ледяной океан!

– Ура-а! – Мыши снова взлетели и принялись хороводом кружить под потолком.

За их радостным писком Кощей почти ничего не слышал. Но вдруг вся стая разом замолкла и наострила уши. Тогда и Кощей услышал настойчивый стук в дверь.

* * *

Мост привёл Колобка прямо к высокому крыльцу с массивной железной дверью. Это был тупик. Или нет. В зависи-

мости от того, открывается ли эта дверь. Он изо всех сил забарабанил в неё.

– Помогите! – верещал он. – Откройте! Кто-нибудь!

Дверь оставалась неподвижной. Из-за неё не доносилось ни звука. Зато за спиной натужно сопел Лис. Поняв, что добыче некуда деться, он сбавил темп и плотоядно оскалился.

Это что же – придётся драться?! По всему выходило так. Дёшево продавать свою едва начавшуюся в печке жизнь Колобок не собирался! Несмотря на скитание по лесу, его мякиш всё ещё был горяч, а корочка хрустела. Но провалиться ему на этом самом месте, если он позволит Лису попробовать его на зуб!

– Сейчас получишь! – грозно крикнул Колобок, вставая в боксёрскую стойку. – Кто-нибудь, держите меня, иначе я за себя не отвечаю! – И он сделал два хука своими ручками-веточками.

Лис остановился как вкопанный. Закряхтел как-то жалобно. А потом бросился назад. Несколько раз он оступился на мосту и чуть было не сорвался в пропасть, но всё-таки удержался и помчался дальше.

– В смысле? – не понял Колобок. – Сработало, что ли? – Секундное замешательство быстро сменилось приливом весёлой храбрости. – Трус! – крикнул он вдогонку Лису, который уже достиг противоположного конца моста и теперь драпал в лес. – погоди! Я тебя ещё за хвост оттаскаю! – Он крутанулся на месте. И застыл.

Дверь была открыта. А в проёме стоял сам Кощей Бесмертный.

Колобку хоть и было несколько дней от роду, но о знаменитом колдуне он уже успел послушаться. Ещё сидя в печи, сквозь потрескивание поленьев он слышал, как бабка пересказывала деду последние сплетни о похищенной Кощеем Василисе. А потом, когда сбежал прямо со стола с накрытым завтраком, где он должен был стать главным блюдом, и прятался за колодцем, о колдуне судачили деревенские девицы, пришедшие за водой. Дескать, Кощей одним взглядом умирить может. И в груди у него чёрная дыра, и если заглянешь в неё, то разум потеряешь и будешь ходить как Тяпка-юродивый и нести околесицу всякую. А прикосновение у него ледяное и страшное, от него покрываешься вечными мурашками и мёрзнешь даже в погожие летние денёчки. Ну и коронное – отказавших ему строптивых невест Кощей превращает в лягушек, и они вынуждены коротать свой век на прудах Вражьего леса и прислуживать русалкам.

Что ж... Взгляд у Кощея и правда был суровый. Дыры в груди не наблюдалось. Но, может, она скрывалась под тёмно-синим Кошеевым камзолом, застёгнутым на серебряные пуговицы до самого горла? Насчёт остального Колобок судить не мог – только оценить со стороны. Высокий. Худой. «Хлеб не ест», – мелькнула у Колобка наполовину успокаивающая, наполовину истерическая мысль.

– Ты кто? – строго спросил Кощей.

– Я?.. – откашлявшись, Колобок взял себя в руки. Кощей явно не собирался его бить. А главное – есть. А значит, с ним можно иметь дело. Главное – не показывать страха! – Я Колобок. История моей жизни такова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.